Королевство потерянных вещей

Aila Less

Aila Less

Королевство потерянных вещей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72244525
SelfPub; 2025

Аннотация

Флинта – двенадцатилетняя девочка, которая вечно всё теряет. Зонт оставила в автобусе, карандаш затерялся под подушкой. А книжки и вовсе исчезают в её дырявой сумке.

Однажды, убегая из дома, Флинта попадает в странное, зыбкое место – Королевство Потерянных Вещей. Здесь живёт всё, что когда-либо исчезало. Сломанные игрушки, забытые слова, недосказанные мечты, даже чувства, о которых мы старались не вспоминать.

Королевство наполнено фантастическими Зонами. Паранойя-Поля шепчут тревоги, Город Обид глухо молчит, Музей Брошенных Мечт хранит забытое «когда-нибудь», а в Туманной Памяти бродят силуэты утраченного. Но этому миру грозит исчезновение. Собиральщик Хлама, существо из отсеков и ящиков, хочет рассортировать всё в идеальный порядок.

Флинте предстоит пройти сквозь этот мир, собрать команду из странных, трогательных Потеряшек и, шаг за шагом, принять себя

такой, какая она есть – рассеянной, мечтательной… Потому что, чтобы найти себя, иногда нужно сначала потеряться.

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Потеря 7
Глава 2. Паранойя-Поля 26
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Aila Less
Королевство потерянных вещей

Предисловие

В детстве кажется, что все вещи всегда будут рядом. Любимая игрушка утром сидит на подушке, важная записка прячется между страницами дневника, а зонт спокойно ждёт тебя у двери. Но иногда всё оказывается не так просто. Вот только что был ключ – и вдруг его нет. Только что ты знал, что сказать, – и вдруг слова исчезли.

Иногда мы теряем не только предметы, но и кусочки себя: мечты, которые боялись озвучить, улыбки, которые приберегли «на потом», или смелость, которая где-то осталась по пути домой. Все эти потери никуда не деваются, они складываются в особое, тайное место, где можно встретить забытые мысли, несказанные слова и даже услышать шёпот собственных желаний.

Королевство Потерянных Вещей – это не просто сказочный мир, а волшебное пространство, где каждая находка становится маленькой победой, а каждая потеря учит чему-то новому. Именно здесь девочка по имени Флинта нач-

нёт свой путь – путь через тревоги, воспоминания и удивительные приключения, чтобы понять – потерянное не всегда пропадает навсегда, иногда оно ждёт, чтобы его нашли заново.

Пусть эта история поможет тебе вспомнить о том, что важно, и поверить: даже если что-то исчезло, это не значит, что оно ушло навсегда. Иногда самое главное мы находим только тогда, когда чуть-чуть теряемся.

Глава 1. Потеря

Утро началось не с чего-то особенного, а с обычного домашнего шума, такого, что сразу заполняет всё вокруг, но при этом не значит ничего важного. Чайник пыхтел на плите, выпуская пар и будто нетерпеливо напоминая, что его давно пора выключить. В шкафу кто-то что-то искал, и дверца хлопала туда-сюда, как сердитая створка. Из кухни доносился голос из телефона, который серьёзно и чётко рассказывал про температуру, ветер и осадки, как будто обращался прямо к ней, и она слушала его внимательно, не замечая больше ничего. Флинта стояла в коридоре, и смотрела на вешалку, где точно должен был быть зонт. Тот самый – тёмно-синий, в мелкий белый узор, с трещиной на пластиковой ручке и капелькой клея, которую она сама туда посадила. Он был с ней на прошлой неделе, может, даже вчера – или не вчера? Она даже помнила, как засовывала его… куда-то. Вот только куда – теперь будто выдуло из головы. У двери на полу лежала её сумка-мешок – перекошенная, с расстёгнутой молнией, из которой торчал угол тетрадки и немного примятый банан. Банан был ещё цел, но по цвету уже становился подозрительно пятнистым, как будто собирался сдаться в ближайшее время. Куртка висела рядом, на крючке, слегка сползшая, с одним рукавом, смотрящим в пол. Флинта сунула руку в первый карман – только воздух. Во второй – только

скомканный фантик от леденца и тонкая, вытянутая нитка, цепляющаяся за ноготь. Она нахмурилась, стараясь вспомнить, не положила ли зонт в сумку накануне вечером, или всё-таки утром? Может, в прихожей? Или… может, его вообще не было?

Из кухни донёсся голос мамы:

– Ты опять ничего не можешь найти?

Это прозвучало не как обвинение и не как упрёк, а скорее как уставшее *“ну конечно”*, будто всё это давно вошло в привычку. Флинта не ответила. В горле застряли слова – и не те, что хотелось бы сказать, а только такие, которые ничего не изменят. Если сказать, что зонт был точно, это будет звучать как оправдание. А если признаться, что не помнит, куда положила – получится, что она снова виновата. Хотя ведь он точно был. Она же помнила, ну, почти. Но с каждой секундой становилось всё сложнее отделить воспоминание от выдумки, привычку от правды. Мама вышла из кухни, не глядя вручила Флинте старый зонт, который давно не открывался с первого раза, и у которого отваливалась кнопка.

– Возьми вот этот, – сказала мама. – Только, пожалуйста, не потеряй хотя бы его.

Флинта кивнула, хотя внутри опять защемило. Не из-за зонта – из-за того, как легко и невесомо звучат такие слова, будто потерять – это уже её личная особенность.

– Я правда думала, что он был в сумке… – попыталась возразить она, но мама уже отвернулась и, прижимая теле-

фон к уху, заговорила с кем-то быстро и важно, будто разговор с Флинтой растворился между звонками и утренней суетой.

Флинта осталась стоять с этим ненавистным зонтом – тяжёлым, чуть липким на ручке, с царапинами по металлу. Она сжала его крепче, чтобы не уронить, и почувствовала, как внутри вдруг становится пусто.

Она молча надела куртку, привычно проверила карманы – оба оказались пустыми, ничего нового, только крошки и кусочек обёртки. Застёгиваясь, Флинта почувствовала, как воротник чуть колет подбородок. Она машинально дёрнула застёжку, чтобы скрыть лицо, и тут, прямо у груди, в том месте, где подкладка давно расходилась по шву, что-то тихо и неожиданно зашуршало. Флинта замерла, сунула руку внутрь. Пальцы нащупали гладкую, округлую поверхность. Она осторожно вытянула находку наружу и увидела на ладони небольшую пуговицу – потёртую, цвета морской гальки, с тремя дырочками и тонким, еле заметным узором по краю. Пуговица была тёплой, как будто её только что держали в руках. Она выглядела как часть чего-то знакомого, чего-то из прошлого, но Флинта не могла вспомнить – откуда именно. Она точно знала, что это не её. Но при этом… она была ей словно близка.

– Готова? – послышался папин голос с другой стороны квартиры. Он всегда говорил так, будто опаздывал. Даже если никто никуда не спешил.

– Да… – откликнулась Флинта. Хотя это было не совсем правдой.

Она сунула пуговицу обратно в потайной карман, глубже, так, чтобы не потерялась. Хотя сама мысль о *«не потерять»* прозвучала почти как шутка – будто вещи в её жизни всегда выбирают свой собственный путь. Сумку она закинула на плечо, та привычно скривилась под тяжестью тетрадей и банана. Потом влезла в кроссовки – один белый, другой с синим носком, оба стоптанные и разные, но уже настолько свои, что было бы странно, если бы они вдруг стали одинаковыми.

– Обувайся быстрее, – бросила мама, не отрываясь от телефона.

Флинта наклонилась, медленно затянула шнурок на одном кроссовке, потом на другом, ловя в себе ту странную сосредоточенность, которая появляется только тогда, когда мысли заняты чем-то невидимым. В голове крутилась мысль о пуговице: откуда она взялась? Она точно не клала её туда. Почти точно. Или всё-таки…?

В этот момент хлопнула входная дверь. Холодный утренний воздух ворвался в коридор, щекоча кожу и подбрасывая запахи двора. Папа уже выскользнул во двор и спешил к машине, звеня ключами. Мама стояла в дверях, прижимая телефон к уху, говорила быстро и чуть раздражённо, но всё равно нашла секунду, чтобы крикнуть:

– Не забудь – у тебя сегодня библиотека! И зонт держи

при себе, слышишь?! Не потеряй его!

Флинта уже шагнула за порог, но невольно обернулась. И на самую короткую долю секунды ей показалось, что наверху, на самой высокой петле вешалки, висит тот самый зонт, который она искала утром. Она моргнула – и он исчез. Или, может, его и не было вовсе?

В школе шум был совсем другим – не таким, как дома, и не похожим на уличный. Он звенел по-особому, колол уши и летел со всех сторон, собранный из звонков, топота, вскриков и обрывков фраз, которые никто не дослушивал до конца. Смех срывался резко, как хлопок по парте, чьи-то шаги гулко отдавались в стенах, кто-то бросал мяч, кто-то кого-то догонял, а кто-то просто шёл молча, но всё равно создавал этот общий, неумолкающий шум, в котором трудно было понять, кто к тебе обращается, а кто просто рядом.

Звонок на перемену прозвучал особенно резко, и волна детей вынесла Флинту в коридор. Она шла немного в стороне от всех, держа сумку поплотнее к себе. Сердце в груди стучало сбивчиво, будто не могло выбрать – бояться или просто переждать. Руки сами начали шарить по карманам – сначала по внешним, потом по внутренним, хотя она знала, что это бесполезно. Они были пусты. И всё же пальцы снова и снова скользили по подкладке, как будто от прикосновений могло появиться то, чего там не было.

Из-за угла вдруг появилась подруга и быстро вышла навстречу, оказавшись прямо перед Флинтой. От её движения

в воздухе звякнули заколки – те самые, которые всегда щёлкали, когда она резко мотала головой. На лице застыла знакомая улыбка, но сегодня она была странно натянутой, будто приклеенной поверх настоящих чувств. В глазах – напряжение, смешанное с ожиданием разочарования.

– Ты взяла? – спросила она и чуть склонила голову, будто заранее знала ответ, но не хотела в него верить.

Флинта машинально кивнула – и тут же, почти в том же движении, сунула руку в сумку, как будто подтверждение можно было достать прямо сейчас. Внутри был пенал с надорванной молнией, ластик, у которого давно потерялась крышка, сложенный вчетверо листок с формулами, которые она собиралась выучить, но так и не открыла. Где-то в глубине шуршала обёртка от шоколадки. Но подарка не было. Та самая вещь, которую она с вечера положила в сумку – исчезла. Она задержала дыхание, сунула руку в боковой карман, потом в маленькое отделение на молнии. После – в потайной карман, где почти ничего не помещалось. Потом трясанула сумку, перевернула её вверх дном, вытряхнула на подоконник всё, что было, даже самые ненужные мелочи. Подруга стояла рядом и смотрела, а улыбка исчезала с каждым движением Флинты.

– Он… он был! Я точно клала его вчера… – голос Флинты становился всё тише, а руки дрожали всё сильнее.

Подруга смотрела на неё не мигая. В голосе прозвучало не просто разочарование – обида, накрытая раздражением,

как крышкой.

– Ты что, издеваешься? – сказала она тихо, но жёстко. – Мы же договаривались. Это был наш день. Ты сама придумала! Почему у тебя всё всегда вот так?!

Флинта сглотнула. Она хотела снова сказать, что он точно был, но эти слова уже прозвучали и будто не сработали. Хотела добавить, что, может быть, он выпал из сумки – но это звучало нелепо, как детская отговорка, в которую никто не поверит. И вдруг, сама не зная зачем, Флинта выпалила, слишком резко, почти броском:

– А ты уверена, что я тебе не отдавала? Может, ты уже сама убрала его в рюкзак и забыла?

Слова вышли колкими, неосторожными, как будто были не её. Они шершаво проскребли воздух между ними, оставив после себя неприятный осадок, как если бы поцарапать ногтями стекло. Подруга отшатнулась, словно от горячего чайника. Заколки в волосах громко щёлкнули, звук будто рассёк воздух.

– Серьёзно? – голос подруги стал острым, резким. – Ты всегда так. Не можешь просто сказать “да, я ошиблась”, – обязательно должна выдумать что-то или свалить на других! Почему ты просто не можешь признать, что забыла?

В ушах у Флинты зашумело. Щёки залились жаром, хотелось провалиться сквозь землю. Она ведь не забыла! Она правда помнит, как заворачивала подарок в цветную бумагу, аккуратно складывала его в карман, мысленно повторяя се-

бе, чтобы ничего не потерять. А теперь – его просто не было. Будто он испарился.

– Я хотела… – шёпотом начала она, но подруга уже отодвинулась и отвернулась, глядя в сторону.

– Не надо, – отрезала та тихо, с усталой безнадёжностью. – Просто забудь. Больше не надо ничего.

И ушла не оглядываясь. Щёлк-щёлк-щёлк – заколки на её волосах удалялись с каждым шагом, превращаясь в звук, похожий на отсчёт. Потом затихли совсем, растворившись в общем гуле коридора. Флинта осталась стоять на месте. Будто весь мир сделал шаг назад и оставил её одну. Школьный шум, ещё минуту назад оглушающий, теперь стал приглушённым, как будто кто-то надел на неё стеклянную банку с крышкой. Она села на подоконник, не чувствуя, как сдавило в животе. Положила сумку себе на колени и расстегнула её. Внутри, среди мятой бумаги, карандашей и ластика без колпачка – лежал какой-то предмет. Что-то, чего она точно не клала. Это была маленькая деревянная заколка. По краю шла трещинка, а с одного конца – темнела копоть, как будто её подносили к огню. Поверхность была гладкой, но местами стёртой, словно её долго держали в руках. Флинта уставилась на неё, не моргая. Она не помнила эту заколку, и никогда не носила такую. Никто из её знакомых вроде бы тоже. Но при этом внутри возникло странное ощущение – будто вещь всё-таки знакома. Как запах старого альбома или как лицо из детской фотографии, которую ты видел один раз, но всё

равно вспоминаешь. Она так и сидела, глядя на заколку, не моргая, пока не прозвенел резкий школьный звонок – резкий, словно кто-то ударил ложкой по крышке банки прямо у неё над ухом. Мир дёрнулся вперёд, и школьный шум снова захлестнул её с головой. Флинта машинально захлопнула сумку, спрятала заколку обратно, будто боялась, что её заметят другие. И вдруг ясно ощутила – впервые за всё утро – это странное, липкое чувство:

«Я всё теряю. Даже когда очень стараюсь сохранить».

После школы Флинта шла домой одна, медленно, чувствуя тяжесть в ногах и густоту воздуха вокруг. Каждый её шаг давался ей с усилием, и идти дальше совсем не хотелось. Сумка всё время сползала с плеча, как будто ей тоже надоело держаться. Капюшон натирал шею, а волосы под ним путались, цеплялись за ворот. Внутри всё кружилось по кругу: одна и та же мысль, один и тот же обрывок – *«Он был в сумке. Я точно клала. Почему она не дослушала…»*

На тротуарах стояли группы детей. Кто-то бегал, кто-то жевал что-то сладкое, кто-то громко смеялся и кидался рюкзаком, хлопая им по плечу друга. Но всё это будто плыло вдалеке, за стеклом. Звук долетал с запозданием, лица казались смазанными, и всё словно происходило не с ней, а рядом. Она шла с опущенными плечами, глядя себе под ноги, цепляясь взглядом за трещины на асфальте, за провода на фонарях, за чьи-то тени, идущие рядом. Тротуар был знакомым, но вдруг показался чуть длиннее, чем должен. И дома

– те же, что каждый день, стояли как будто в чуть другом порядке. Но в их порядке чувствовалось нечто странное. Балкон с цветами, который обычно был с правой стороны, теперь будто сместился влево. Окно с красной занавеской мигнуло там, где его не было – или было? Или просто раньше она не замечала?

Флинта остановилась, огляделась. Всё было вроде как и должно быть. Но это ощущение, что что-то сдвинулось не исчезало. Оно ползло по коже, как тонкий сквозняк, которого не видно, но чувствуешь между лопатками. Словно кто-то повернул весь город на пару градусов, и теперь привычные вещи стоят чуть не так.

Когда она уже подходила к дому, заметила, что даже двор вдруг кажется другим – всё вокруг чуть сместилось, стало чуть глубже и ближе. Большое дерево, что обычно стояло в стороне, сегодня нависло ветвями прямо над дорожкой, отбрасывая мягкую, качающуюся тень, словно хотело спрятать Флинту от остального мира.

В этой тени кто-то сидел, ковыряя песок длинной палочкой. Это была Амелия – соседка из первого этажа. Она всегда казалась Флинте особенной – у Амелии были рыжие волосы, веснушки на щеках и слишком взрослый взгляд, будто она знала какие-то секреты, которые ещё не рассказывала никому на свете. Огромный рюкзак лежал рядом на лавке, сам едва не падая на бок.

– Привет, – первой заговорила Амелия, не оборачиваясь,

продолжая чертить в песке круги и спирали.

– Привет, – откликнулась Флинта, неуверенно, но с каким-то странным облегчением. Вдруг оказалось, что ей не так уж и хочется скорее оказаться дома.

– Ты сегодня поздно, – сказала Амелия, мельком взглянув на часы, которые болтались на тонком запястье. – Я вот уже второй час ищу свой синий карандаш. Без него ни один рисунок нормально не выходит.

– Я тоже… часто что-то теряю, – выдохнула Флинта, следя, как её ботинки оставляют на асфальте мягкие, почти исчезающие отпечатки. – Иногда мне кажется, что вещи от меня прячутся специально.

Амелия коротко улыбнулась:

– А мой папа говорит, что вещи устают быть на одном месте. Им тоже нужно путешествовать, чтобы не скучать.

Флинта слабо улыбнулась в ответ. В этих словах вдруг обнаружился какой-то особый смысл.

– А что ты сегодня потеряла? – поинтересовалась Амелия, наклоняя голову.

– Кажется, всё, – честно ответила Флинта, чувствуя, как с плеч сползает усталость дня. – И зонт, и настроение, и, может быть, даже себя.

– Себя? – переспросила Амелия, хмуря веснушчатый нос. – А такое вообще можно найти потом?

Флинта на секунду задумалась. Ей хотелось рассказать про то, как бывает пусто и тяжело внутри, как будто сам ис-

чезаешь вместе с вещами… но вместо этого она только тихо сказала:

– Наверное.

Амелия покопалась в своём рюкзаке, достала голубой браслет, и протянула её Флинте на раскрытой ладони:

– Я сегодня нашла вот это.. Может, это твоё?

Флинта удивлённо взяла браслетик. Он был чужой, но в то же время как будто немножко знакомой – из тех вещей, что *“могли бы быть твоими, если бы всё сложилось иначе”*.

– Нет, не мой… – честно сказала она.

Они ещё немного помолчали. В это время ветер взъерошил ветви, старый лист плавно спланировал между ними, закружившись в последнем танце лета. Амелия вдруг сказала:

– Если найдёшь мой карандаш – обязательно верни. А я, если вдруг встречу что-то твоё, принесу.

– Договорились, – улыбнулась Флинта. И правда почувствовала, что стало чуть легче.

Потом она медленно пошла к подъезду, на секунду задержав взгляд на ветвях дерева. За дверью пахло влажным бетоном и серой пылью – запах старых лестниц, мокрых ковриков и чего-то немного забытого.

Возле первой лестничной площадки, прямо на полу, лежала зарядка. Белая, с трещиной на корпусе, перемотанная синей изолентой в двух местах. Та самая, которую Флинта потеряла осенью. Тогда она обыскала всю квартиру – под диваном, за шкафом. Зарядки нигде не было. Её искали все,

а потом долго делили одну на троих, и спорили, кто сколько заряжает. Мама даже говорила: *«Ну вот, опять где-то оставила»*. А теперь она просто лежала здесь.

В прихожей её дома, рядом с обувницей, лежала старая деревянная линейка с закруглёнными краями, словно выточенная время от времени для удобства детских ручек. Когда-то на этой линейке Флинта, беря в руку ручку, аккуратно чертила сердечки, оставляя на ней незабываемые следы своей юной мечты. А потом она потеряла эту линейку, и много лет прошло с тех пор, как она её видела. Теперь же, вот она – на том самом месте, где она точно бы её увидела раньше.

– *«Может, мама где-то нашла её?..»* – подумала Флинта, неуверенно ощутив, что хоть что-то из утра остаётся неизменным.

– Я дома, – тихо произнесла она.

Из комнаты доносился мамин спокойный голос. Она говорила по телефону и ни разу не остановилась, даже на секунду. Будто дома никого не было. Или будто то, что Флинта вернулась, вообще ничего не значило. А папа, сидевший в кресле с газетой, поднял голову, коротко кивнул, и ни в словах, ни в взгляде не выразил ни вопроса о том, как дела, ни заботливого *«ты в порядке?»*, словно всё вокруг должно было идти своим чередом, независимо от внутренних тревог дочери.

В своей комнате Флинта сбросила с плеч тяжёлую сумку, и та с глухим шлёпком опустилась на пол, рассыпав из кармана

карандаши. Всё внутри гудело, от звонка, от ссоры, от этого странного дня. Она начала доставать вещи – одну за другой, будто надеясь, что подарок найдётся, что всё окажется ошибкой. Но вместо подарка на дне лежала записка. Небольшая, сложенная вчетверо, на жёлтой бумаге, с тонким завитком по краю. Бумага выглядела старой, как будто вырвана из какой-то очень давней тетради. Почерк был незнакомый – не маминым, не папиным, не её собственным. Чуть скошенные буквы, слегка потекшие чернила.

– Я ведь точно всё положила. Я помню, – прошептала Флинта.

Она замолчала, посмотрела на пол, потом снова на сумку.

– Или… опять положила не туда?

Комната выглядела как всегда. Те же стены, те же книги на полке, тот же плед, который всё время съезжал с кровати. Но что-то в ней ощущалось по-другому. Почти незаметно. Словно кто-то сдвинул мебель на пару миллиметров: стул стал стоять не так, шкаф будто ближе, воздух стал чуть плотнее. И где-то внутри закралось: «Это не я теряю. Это что-то… меняет всё местами».

На кухне горела только одна лампа – потолочная, холодная, будто её случайно переставили из какого-то чужого, слишком тихого дома. Свет был тусклый и резкий одновременно. Еда уже стояла на столе – горячий рис с курицей, в котором всё ещё поднимался пар, хлеб в раскрытой упаковке, кружки с наполовину налитым чаем.

Папа сидел с телефоном в руке, делая вид, что ест. Иногда он подносил ложку ко рту, но больше смотрел в экран, чем в тарелку. Мама сидела рядом. Она только что доела и теперь медленно вытирала губы салфеткой. Перед ней стояла пустая чашка, но она не спешила убрать её. Просто смотрела в одну точку. Будто мысленно уже ушла отсюда куда-то совсем далеко. Флинта молча ковырялась в тарелке. Еда была горячей, но безвкусной. Воздух на кухне казался тяжёлым, как будто окно не открывали уже очень давно.

– Учительница сегодня звонила, – сказала мама, не глядя. Голос был спокойный, как у диктора. – Сказала, ты опять забыла тетрадь.

Флинта оторвала взгляд от тарелки. В горле пересохло, как будто она весь день не пила.

– Я… – начала она, но не договорила.

– Почему нельзя быть как нормальные дети? – добавила мама почти без интонации. – Просто собраться. Просто держать свои вещи при себе. Ну что тут такого сложного?

Флинта продолжала сидеть за столом, сгорбившись и стараясь не смотреть ни на кого. Она крепко сжимала вилку, и металлические зубцы чуть скребли по краю тарелки. На них застрял кусочек курицы – небольшой, скользкий, никак не хотевший сдвинуться. Он дрожал, потому что дрожали её пальцы. Мама тем временем встала из-за стола и, не глядя на Флинту, прошла к раковине. Она включила воду, и струя сразу зашумела, как будто пыталась заглушить тишину, ко-

торая нависла над кухней.

– Ничего нового. Всегда одно и то же, – сказала она уже тише, почти себе, отвернувшись, – Всё как всегда.

Фраза была произнесена не со злобой. Она прозвучала так, будто её говорили много раз и больше не ждали, что что-то изменится. Внутри у Флинты будто сорвался внутренний замок. Всё, что копилось с самого утра – тревога, усталость, обида, вырвалось наружу. Она резко поднялась. Стул с грохотом упал на пол, отлетев в сторону. Вилка выскользнула из руки и со звоном ударилась о край стола, потом покатилась куда-то под шкаф. Лицо у неё вспыхнуло от жара, дыхание стало рваным, а в горле поднимался тугой, обжигающий ком, как будто она проглотила кипяток и теперь всё внутри горело.

– Я не теряю! – выкрикнула она, громко, неожиданно даже для себя. – Это не я! Оно само! Всё само!

Родители замерли. Мама застыла у раковины, с мокрыми руками. Папа медленно оторвал взгляд от экрана телефона, чуть приподнял бровь и несколько секунд смотрел на дочь с удивлением, явно не ожидая такого резкого тона.

– Флинта… – начала мама, пытаясь говорить спокойно. – Опять ты…

– Нет! – перебила Флинта, голос её дрогнул, будто вот-вот сорвётся. – Не опять я! Опять вы! Всегда только я! Всегда «Флинта виновата», «Флинта забыла», «Флинта что-то сделала не так»! А вы хоть раз подумали, что, может, это не

я меняюсь?! Что, может, вещи сами… становятся другими? Что всё вокруг меняется, а вы – вы просто смотрите на меня так, будто это всё моя вина!

– Господи, ну что ты опять устроила, – выдохнула мама, даже не повысив голос.

Флинта не ответила. Она уже отвернулась и подошла к вешалке. Рядом, у самой двери, валялась её сумка-мешок – перекошенная, с торчащим наружу уголком тетради. Не раздумывая, Флинта на автомате схватила сумку, закинула её на плечо, будто это был просто ещё один слой защиты, который должен быть при ней всегда. Потом она схватила первую попавшуюся куртку, не глядя. Куртка была – слишком большая, с рукавами, почти полностью закрывавшими ладони, и запах у неё был чужой. Но ей было всё равно.

Дверь хлопнула так, что на кухне задрожали ложки. На улице моросил дождь. Он пробивался под воротник, лип к волосам, стекал в рукава. Воздух был серый, и ветер был не ветер, а шепчущий сквозняк, как будто кто-то дул с той стороны мира. Флинта сначала просто шла быстро, потом почти бежала. Без цели, без направления, просто вперёд, как будто за спиной было что-то, от чего нужно уйти как можно дальше. Она бежала мимо домов с одинаковыми окнами, мимо остановок, где ждали люди под зонтами, мимо витрин, за которыми кто-то покупал хлеб и молоко. Мимо чужих квартир, где сейчас ели, спорили, смотрели телевизор, где были другие семьи – с их ужином, с их словами, с их «всё в порядке».

В голове крутились обрывки:

– Я не хотела кричать. Просто… просто хотелось, чтобы кто-то понял. Я стараюсь. Правда стараюсь. Но всё равно – не так.

Глаза жгло, слёзы текли беспрерывно. Флинта торопливо вытерла лицо рукавом, как будто хотела стереть всё сразу.

Парк вынырнул неожиданно, будто его только что нарисовали за углом. Фонари здесь светили тускло, каждый из них мерцал, словно раздумывал – светить или не светить. Лужи на асфальте отражали этот свет искажённо, ломая лучи, будто это не вода, а мутное стекло, за которым скрыто что-то совсем другое. Стволы деревьев тянулись вверх, странно выгибались, как если бы пытались вырваться из земли, уйти отсюда прочь.

В этот момент что-то изменилось. Слева раздался тихий звон. За этим звуком последовал слабый гул, который напоминал голос, однажды услышанный во сне и давно забытый. Фонарь перед Флинтой вдруг поплыл, луч света потёк по воздуху, как вода по стене, оставляя за собой блики, растекающиеся по темноте. И тень Флинты – вместо того, чтобы остаться за её спиной – вдруг дернулась вперёд, на шаг опередив хозяйку.

– Эй… – выдохнула Флинта, но её голос показался ей самой слишком тихим.

Флинта шагнула вперёд и не заметила, как подошва кроссовка соскользнула с какой-то неровности. Прямо под нога-

ми оказался металлический люк – круглое пятно на асфальте, которого раньше точно не было. Она попыталась удержаться, но не успела. Нога сорвалась, тело резко подалось вперёд, и она инстинктивно махнула рукой, надеясь за что-то ухватиться. Но вокруг не было ни перил, ни стены, ни даже дерева – ничего, за что можно было бы зацепиться.

В следующее мгновение всё изменилось. Неизвестная сила потянула её вниз, и Флинта сразу поняла, что остановиться или вырваться невозможно. Вокруг сразу исчезли все привычные звуки, наступила тяжёлая тишина, настолько плотная, что в ней начинало звенеть в ушах. Воздух словно исчез, растворился вместе с городом. Исчезла улица, перестал идти дождь, погасли фонари. Всё вокруг пропало, и осталась только темнота. Флинта падала вниз, не чувствуя ни ветра, ни тяжести, ни скорости, только полную и глубокую пустоту, в которой не было ничего, кроме неё самой.

Глава 2. Паранойя-Поля

Тишина стала настолько густой и неподвижной, что любое движение или звук казались невозможными. Пространство вокруг затаилось, и время будто остановилось. В этой полной пустоте вдруг появился тонкий, протяжный звон. Он прозвучал едва различимо, но сразу заполнил всё вокруг, проникая в самые глубины слуха. Она медленно, и осторожно открыла глаза, и оглядела место куда попала. Вокруг была высокая трава, мягко колышущаяся под слабым сероватым небом. Оно было не совсем пасмурным и не совсем светлым, а каким-то ненастоящим, словно кто-то аккуратно стёр краски, оставив вместо них один сплошной, блеклый цвет.

Флинта медленно приподнялась на локтях, пытаясь понять, что произошло. Под её руками трава шуршала так тихо, что в этом шорохе слышались тревожные, неразборчивые слова. Земля под ладонями слегка двигалась, почти неощутимо, но всё же достаточно, чтобы по телу прошла волна легкой тошноты. В голове мягко промелькнула первая, ещё не до конца оформленная мысль: неужели всё это сон?

И в этот самый момент рядом с ней послышался резкий, короткий писк, больше похожий на испуганный чих. Флинта вздрогнула и обернулась, вглядываясь в траву. Сначала там ничего не было, кроме качающихся стеблей, но потом мелькнула лапка – небольшая, плюшевая, неловко пришитая нит-

ками разного цвета. Лапка исчезла, а затем снова появилась, и из-за пучка травы выглянуло существо, которого Флинта не видела раньше ни разу в жизни. Оно было небольшим, чуть больше ладони, с одним глазом из блестящей бусины и вторым – из чёрной пуговицы, крепко, но неровно пришитой к мягкому, потёртому лицу.

Кажется, когда-то оно было игрушкой, но теперь выглядело таким забытым и растерянным, что Флинте стало не по себе. Существо посмотрело на неё и задрожало, как будто боялось, что его сейчас схватят и унесут прочь. Его голос был дёрганым, тихим, как будто каждое слово требовало огромного усилия.

– Ты потерялась, – произнесло оно, слегка заикаясь, – или я потерялся. А может, мы оба…

Флинта отшатнулась. В её глазах мелькнул испуг, смешанный с удивлением. Это всё больше походило на сон, но слишком уж ясный и чёткий, чтобы быть им на самом деле.

– Кто ты? – спросила она осторожно, не двигаясь и не приближаясь.

Существо испуганно вздрогнуло, отступило на шаг и прошептало почти умоляюще:

– Если ты пришла меня забрать, я не отдамся!

Флинта покачала головой и подняла руку, показывая, что не собирается ничего делать. Существо замерло и недоверчиво посмотрело на неё, слегка покачивая головой, словно взвешивая её намерения.

– Я не знаю, кто я, – снова заговорило оно, чуть более спокойно, но с отчаянной грустью в голосе. – Я тут давно, очень давно. Иногда мне кажется, что я был чьим-то другом, но я не помню, чьим.

Флинта снова огляделась. Трава продолжала шептать что-то невнятное, и тревожное. Внезапно из глубины этого шёпота ей показалось, будто кто-то произнёс её имя, едва слышно, как дыхание на затылке. Она встревоженно обернулась, но вокруг никого не было.

– Где я? – спросила она уже тише, словно боясь, что её услышат лишние уши.

Существо чуть наклонило голову, будто пыталось понять её вопрос, а потом произнесло с лёгким сомнением:

– Ты там, где всё не на своих местах. Это место, куда всё приходит, если его слишком долго не вспоминают.

Голос звучал так, словно он сам не совсем понимал то, что говорит. Но слова эти звучали убедительно и глубоко, как будто он произнёс давно известную, но забытую правду. Трава вокруг зашевелилась сильнее, и на этот раз шорох был более громким, тревожным, почти угрожающим.

Существо резко оглянулось и торопливо прошептало:

– Здесь нельзя стоять. Здесь тебя найдёт то, что ты не теряла.

Флинта поднялась на ноги и вдруг сама удивилась, услышав, как уверенно сказала:

– Ну уж нет. Если я потерялась, то и тебя я не отпущу.

Он вздрогнул, явно испугавшись, но не стал убегать. Напротив, он осторожно шагнул вперёд и остановился, немного наклонив голову, внимательно прислушиваясь к её голосу.

– Как тебе зовут? – тихо спросила Флинта.

Он замялся, будто бы не понял вопроса. Несколько секунд стоял молча, глядя в сторону, потом тихо пожал плечами.

– Я… не знаю, – наконец выдохнул он. – Некоторые Потеряшки называют меня Лумс.

Флинта чуть кивнула, не улыбаясь, но взгляд у неё стал мягче.

– Лумс значит, подходит, – сказала она просто.

Существо посмотрело на неё с неуверенным облегчением и тихонько кивнуло, и они двинулись вперёд. Теперь они оба были потерянными, но уже не одинокими. Высокая трава окружала их со всех сторон, поднимаясь почти выше головы и мягко покачиваясь, словно пыталась разглядеть новых гостей на своих владениях.

Каждый их шаг давался тяжело, земля под ногами становилась всё менее надёжной. Воздух наполнила напряжённая тишина, в ней ощущалось чьё-то невидимое присутствие и тревожное ожидание. За ними, казалось, кто-то наблюдал, внимательно прислушиваясь к каждому движению и слову. Ветер время от времени шевелил траву, и с этим движением приходили неясные чувства, которые не превращались в слова, а просто отзывались внутри тихими уколами сомнения: «забыла…», «не туда…», «а если бы…».

В небе медленно двигались часы – огромные, с золотыми стрелками, направленными вспять. Эти стрелки чуть подрагивали, словно сомневаясь в собственном движении. Лумс шагал рядом с Флинтой, периодически оглядываясь с тревогой и осторожностью, будто ожидал, что в любой миг из травы выскочит кто-то чужой и недобрый.

– Здесь всё путается, – тихо произнёс он, поворачивая к ней пуговичный глаз. – Здесь думаешь, что идёшь вперёд, а приходишь в себя.

Флинта уже собиралась ответить, но вдруг в тишине прозвучал одинокий, чистый и пронизывающий звон. Она резко обернулась и увидела совсем близко, в нескольких шагах, маленький серебряный колокольчик, который качался в воздухе на невидимой нити. Он звенел тихо, почти нежно, и при этом каждый его звук отзывался где-то внутри, цепляя за воспоминания о доме, о подруге, о подарке, который не удалось вручить.

– Это Призыватель, – негромко объяснил Лумс, приближаясь, но не слишком близко. – Он звенит, когда кто-то вспоминает о доме.

Флинта осторожно протянула руку, пытаясь дотронуться до звонкой игрушки, но колокольчик тут же исчез, растворился в воздухе без следа.

– Если тронешь, он умолкнет, – пояснил Лумс, осторожно коснувшись её руки своей плюшевой лапкой.

Флинта задумалась, глядя на пустое пространство, где

только что был звонкий призрак.

– Это какой-то сон, – наконец произнесла она, качая головой. – Бред какой-то. Всё здесь странное, и неправильное…

Лумс немного склонил голову и вздохнул, пытаясь подобрать правильные слова, которые могли бы её успокоить.

– Ты просто видишь то, что не замечала раньше, – тихо ответил он и лапкой указал на землю вокруг них.

Флинта опустила взгляд. Трава была усыпана мелкими предметами, которые она не заметила раньше: старые ключи, игрушки без половинок, обрывки лент и сломанные украшения. Они слегка дрожали, как будто кто-то очень тихо плакал, вспоминая прошлое.

– Они всё ещё помнят, что были нужны, – продолжил Лумс печально, – а теперь лежат здесь и ждут, чтобы кто-то их снова нашёл.

Флинта осторожно наклонилась и подобрала небольшой сломанный брелок, из тех, что цепляют на рюкзаки. В её памяти тут же вспыхнуло воспоминание о похожем брелке, который она потеряла пару лет назад и долго переживала его исчезновение. И в этот момент снова прозвучал еле слышный звон колокольчика – уже дальше, словно кто-то снова вспомнил что-то важное.

– Потерянное – не значит плохое, – произнёс Лумс, глядя на неё с осторожной надеждой. – Иногда просто могли положить не туда.

Флинта задумалась, крутя в руках брелок, и тихо сказала,

будто только для себя:

– А если… я не туда попала?

Лумс не сразу ответил – он просто вздохнул, потом мягко коснулся её руки, словно хотел передать хоть немного своего хрупкого спокойствия.

– Не знаю, – признался он так тихо, что его слова почти затерялись в шелесте травы.

Ветер вдруг усилился, заставляя траву колыхаться тревожнее и резче, а тени вокруг них начали снова двигаться не в такт движениям, будто у них было своё собственное намерение. Лумс напрягся и замер, всматриваясь в шевелящуюся траву.

– Если шорох стал сильнее, – осторожно сказал он, чуть понизив голос, – значит, кто-то идёт.

Флинта вздохнула, взглянув на туман, который начал густеть вдали.

– Тогда идём и мы, – сказала она, чувствуя, что другого пути всё равно нет.

И они шагнули вперёд, двигаясь туда, куда тянуло ощущение, что их кто-то зовёт и ждёт.

Постепенно пейзаж вокруг них сменился. Тревожная трава Паранойя-Поля уступила место спокойным холмам, через которые петляла ровная дорожка, похожая на те, по которым Флинта когда-то каталась в детстве. Всё здесь казалось знакомым, хотя она точно знала, что никогда не была в этих местах. В воздухе звучал тихий, но упорно повторяющийся

звонок велосипеда – не радостный, а печальный, будто кто-то очень устал ехать вперёд. На дорожке отчетливо отпечатались следы шин. Лумс остановился, настороженно вслушиваясь в звонок, и тихо произнёс:

– О, он вернулся..

– Кто он? – неуверенно спросила Флинта, оглядываясь и пытаясь понять, откуда идёт звук.

В ответ Лумс лишь слегка пожал плечами, будто объяснение было слишком сложным. И тут на горизонте показался силуэт велосипеда. Он был старый, местами потертый, но яркий, будто кто-то недавно протёр его тряпочкой. Велосипед ехал медленно и уверенно, без всадника, словно прекрасно знал, куда ему нужно двигаться. Но стоило Флинте шагнуть вперёд и поднять руку, как он резко остановился, чуть повернул руль и тут же начал разворачиваться обратно.

– Эй! Стой! – крикнула она, рванувшись вслед.

Но велосипед даже не замедлился. Наоборот, он ускорился и двинулся дальше прочь, по направлению к холмам.

– Он сбежал, – тихо произнёс Лумс, покачав головой. – Он не хочет быть снова найденным.

Флинта бросилась за ним бегом, чувствуя, как сердце забилось чаще. Лумс торопливо последовал за ней, но дорожка под их ногами сразу стала меняться, словно оживая. Она изгибалась, петляла и путалась, как давно забытый маршрут, не давая догнать ускользающий силуэт.

– Почему он убегает? – выдохнула Флинта на бегу.

Лумс, с трудом поспевая за ней, начал говорить сбивчиво и чуть печально, словно рассказывая не свою историю, а переживая чужую боль:

– Когда-то он был любим… Потом… потом брошен. А потом – снова нужен. А теперь он сам… сам решает, нужен ли ему кто-то.

Велосипед впереди чуть замедлил ход и на миг обернулся к ним. Вместо лица у него была старая, чуть поцарапанная фара, но свет её был живой, упрямый и полный решимости. И вдруг Флинта поняла, что он пытается что-то сказать ей – не словами, а движениями, наклонами руля и едва ощутимой вибрацией в воздухе:

– *Я не хочу обратно.*

Флинта замерла, глубоко вдохнув и чувствуя, как внутри нарастает смятение:

– Но ведь тебя ищут! Кто-то… кто-то скучает без тебя!

Велосипед внезапно задрожал, а его фара мигнула, посылая ей короткую вспышку. Флинту охватило чьё-то воспоминание – маленькая девочка в старой куртке стояла у запертого гаража, рыдала от беспомощной злости, а взрослый, усталый голос где-то за спиной сказал жёстко: *«Выброси уже это старьё!»*.

Она почувствовала резкую боль – чужую, но слишком знакомую, словно пережитую ею самой. Велосипед снова мигнул фарой, будто просил понять его и не настаивать. Лумс приблизился, тихо касаясь её руки:

– Ты… ты можешь уговорить его.

Флинта сделала шаг вперёд, протянув руку к велосипеду. Но он качнул рулём и резко рванулся прочь, набирая скорость. Вскоре велосипед окончательно скрылся из вида, Флинта остановилась и молча присела на траву прямо у края дороги. Лумс, не говоря ни слова, осторожно опустился рядом. Мир вокруг них вдруг затих полностью – будто даже ветер устал шептать тревожные мысли и замер, слушая их дыхание. В этой внезапной тишине стало отчётливо слышно, как медленно успокаиваются их сердца после долгой погони. Флинта сидела неподвижно и смотрела на дорогу, словно всё ещё надеялась увидеть велосипед снова. Но её взгляд был уже другим – не напряжённым, не ищущим, а задумчивым и тихим. Впервые за всё это время она ничего не пыталась исправить.

– А вдруг… он прав? – негромко произнесла она, едва слышно для самой себя. – А вдруг… я тоже не хочу возвращаться?

Лумс повернул к ней голову и долго, почти незаметно для себя, вздохнул. Глаза его вдруг потускнели, и в них отразился тот самый чужой свет, что бывает у забытых вещей. Он долго молчал, будто слова застряли внутри, а потом наконец выдохнул очень осторожно, как будто боялся разбередить что-то хрупкое:

– Я тоже не хочу… возвращаться. Только… я даже не знаю, куда.

Она удивлённо посмотрела на него, а Лумс, словно почувствовав этот взгляд, сжал лапки ещё крепче, дрогнув всем телом. Его голос стал совсем тонким, будто мог исчезнуть в любой момент:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.